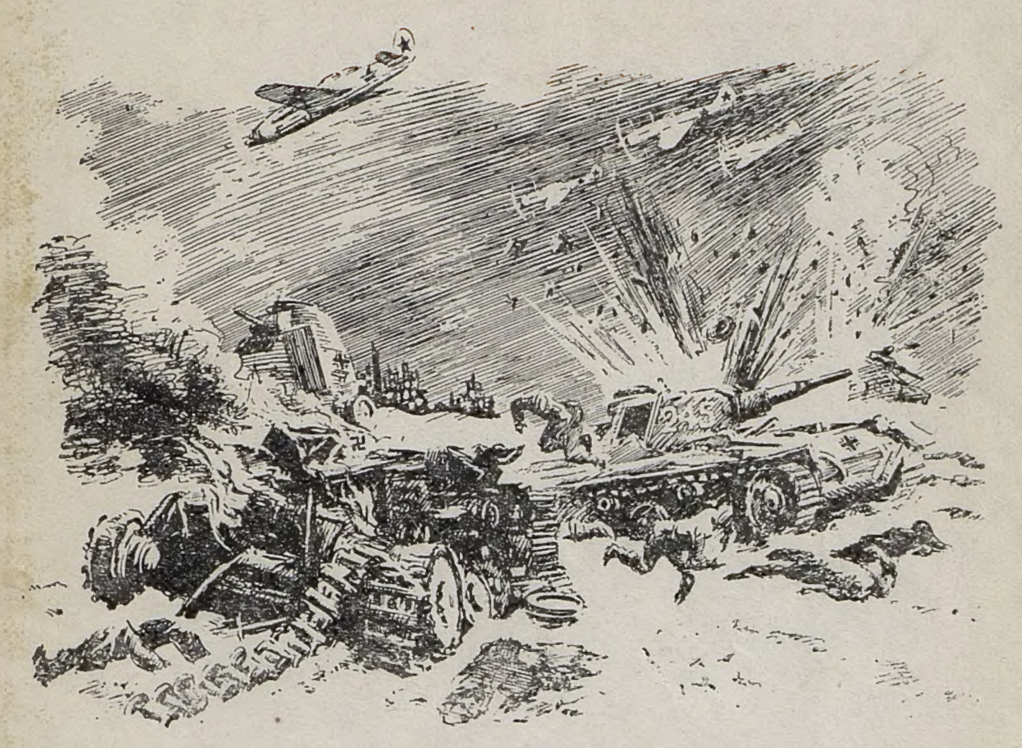
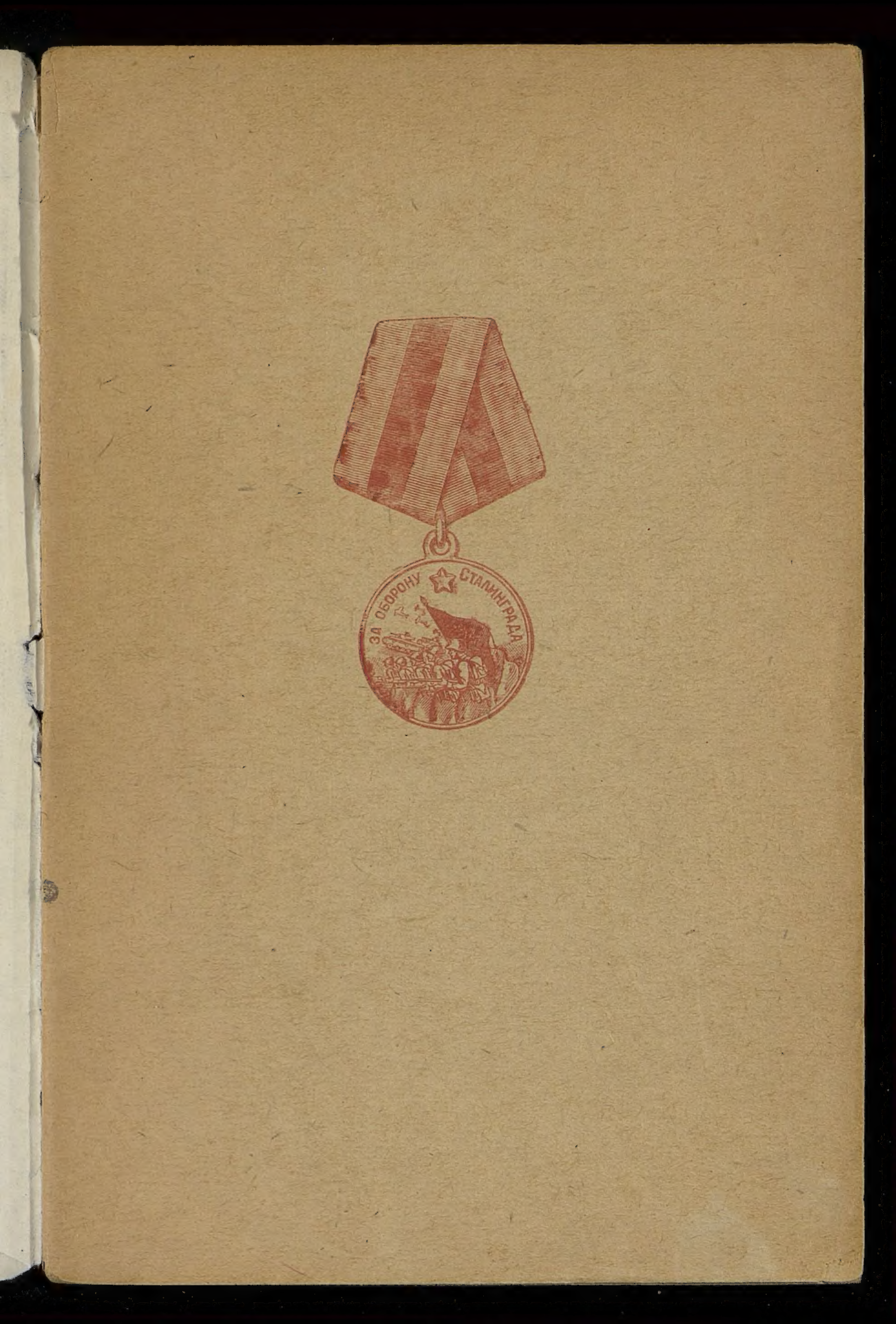
Вас. ГРОССМАН

СТАЛИНГРАДСКАЯ БИТВА

ЗА ОБОРОНУ СТАЛИНГРАДА

★

Героические защитники Москвы и Тулы, Одессы и Севастополя, Ленинграда и Сталинграда показали образцы беззаветной храбрости, железной дисциплины, стойкости и умения побеждать. По этим героям равняется вся наша Красная Армия.

И. Сталин

★

Вас. ГРОССМАН

Сталинградская битва

ОГИЗ
Государственное Издательство
Политической литературы
1943

СОДЕРЖАНИЕ

Редактор *М. Гильгулйн*

Подписано в печать 30 января 1943 г.
Тираж 50 000 экз. (1—30 000 экз.) А314. $2^1/_4$ п. л.
Цена 60 коп.

1-я Образцовая тип. Огиза РСФСР треста „Полиграфкнига", Москва, Валовая, 28.
Заказ № 3307.

Царицын — Сталинград

Когда думаешь о жизни этого города, о его суровой и благородной доле, связанной с тяжелыми молодыми днями Советского государства, то ясно вырисовываются основные черты характера и судьбы Царицына. У города, как и у человека, своя судьба. Царицын — Сталинград, город, стоящий на великом волжском рубеже между севером и югом, город, за спиной которого пески и степи Казахстана, город, широкой грудью своей обращенный к западу, к хлебным богатствам Дона и Кубани, избрал себе гордый удел быть твердыней революции в роковой час народной судьбы.

Двадцать четыре года прошли с того времени, когда Царицын, выдержав напор врага, не дал соединиться черным силам, шедшим с юга и севера, и словно занесенная тяжкая секира поднялся над рвавшимися с запада на восток немцами.

Прошли два десятилетия мирного строительства. Заросли травой окопы под Гумраком, Воропоновым, Бекетовкой. Деревья выросли там, где скрипели обозы. Ушли из жизни старики-рабочие, участники царицынской обороны. Стали седыми когда-то черноволосые рабочие-добровольцы. А те, кто босоногими мальчишками бегали среди дымившихся красноармейских кухонь, кто подбирал стреляные гильзы и играл в войну там, где шла война, — те стали взрослыми людьми, отцами семейств, большими людьми советской державы. Выразителем их жизненной судьбы, их стремительного подъема от темных подвалов рабочей бедноты к вершинам культуры стал молодой сталинградец Виктор Хользунов, сын слесаря завода «Дюмо» Степана Хользунова. Бронзовый памятник Виктору Хользунову, талантливому летчику и командиру, стоит над Волгой, на Сталинской набережной.

Стремителен был рост людей Сталинграда, стремителен был рост самого города за годы мирной советской жизни. На гигантах-заводах — Тракторном имени Дзержинского, «Красном Октябре», «Баррикадах» — работали десятки тысяч человек. Возникли судоверфь и Сталгрэс, реконструировались старые предприятия, появились десятки новых заводов. В городе, где в начале века были две гимназии, одна библиотека, один сиротский приют и 400 кабаков, к исходу двух десятилетий советской жизни возникли прекрасные институты с знаменитой профессурой — механический, медицинский, педагогический, где учились 15 000 студентов, возникли десятки техникумов, сотни школ, библиотеки, музеи.

Город песчаных бурь и пыли был заасфальтирован. Вокруг него выросло двадцатикилометровое зеленое кольцо, сотни гектаров фруктовых садов, кленовые и каштановые аллеи. Город приземистых одноэтажных и двухэтажных домов, кривых улиц стал городом великолепных, высоких белых зданий, городом широких площадей, украшенных памятниками, обрамленных зеленью деревьев и пестрым узором цветников.

Ночью с Волги Сталинград казался огромной шестидесятикилометровой гирляндой яркого электрического света. Красиво светились цветные рекламы магазинов, театров, кино, цирков, ресторанов. Музыка, усиленная радиорупорами, слышалась далеко над Волгой. Городом гордились, город любили, — и в самом деле, Сталинград превратился в один из прекраснейших наших городов: в город труда и науки, жаркого солнца, широкого простора, ясного волжского воздуха.

Когда экскурсионные пароходы приближались к прекрасному белому городу на Волге, отдыхавшие на палубе люди видели не только тысячи сверкающих на солнце окон и зеленые сады. Они видели еще черный дым, поднимавшийся над тремя гигантами: Тракторным, «Красным Октябрем», «Баррикадами». Они видели, как сквозь задымленные окна цехов лилась в искрах сталь, слышали тяжелый грохот, подобный грозному морскому прибою. Это красный Царицын, это Сталинград напоминал людям, что он знает свою судьбу русской крепости на Волге и снова готов принять тяжелый и гордый удел в роковой час народной судьбы.

...Днем 23 августа 1918 года по приказу Военного совета рабочие шахтерские полки Коммунистической и Морозовско-Донецкой дивизий перешли в наступление на центральном участке фронта у Воропонова; они кровью своей и жизнью отбрасывали наседавшего на город противника. Ровно через 24 года, тоже 23 августа, в пять часов дня, восемьдесят тяжелых немецких танков и колонны мотопехоты прорвались

к детищу сталинградцев — Тракторному заводу. Одновременно сотни вражеских бомбардировщиков обрушили мощный бомбовый удар на жилые кварталы Сталинграда. То был первый натиск фашистских полчищ, рвущихся на восток, к волжским рубежам.

Город запылал, окутался дымом, огромное пламя поднялось к небу. И словно не было двух десятилетий мирного труда, словно не легли эти десятилетия между временем первой германской оккупации Украины и Дона и вторым нашествием немцев. И вновь в дыму, в грохоте битвы встал красный Царицын — Сталинград, город прекрасной и горькой судьбы.

Нельзя даже сравнивать силу немецкого натиска в августе 1942 года с силой наступления красновцев в 1918 году. Удары танковых дивизий, страшный огонь тысяч орудий и минометов, ожесточенные налеты воздушных армий — вряд ли даже в истории современной войны были удары подобной силы. Все изменилось в ведении войны за эти десятилетия. Все стало огромней, сильней, стремительней. Лишь одно осталось неизменным, таким, словно не люди другого поколения вышли на оборону Сталинграда: мужественное сердце великого народа.

Сердца Якова Ермана, Николая Руднева, сердце Алябьева не перестали биться 24 года тому назад! В страшный час, когда 80 немецких танков внезапно подошли к окраине Тракторного завода, а сотни самолетов жгли жилые кварталы города, рабочие Тракторного завода и «Баррикад» продолжали свой труд. В первую ночь сотни рабочих, вооружившись автоматами, станковыми и ручными пулеметами, заняли оборону у северной окраины завода. Они дрались рядом с дивизионом тяжелых минометов лейтенанта Саркисяна, остановившим немецкую танковую колонну. Они дрались рядом с зенитчиками подполковника Германа, половиной своих орудий бившими по немецким пикировщикам, а половиной расстреливавшими немецкие танки.

Бывали минуты, когда гул бомбовых разрывов поглощал все звуки, и подполковнику Герману казалось, что выдвинутая вперед батарея лейтенанта Свистуна раздавлена совместным натиском немецкой авиации и танков. Но через некоторое время вновь слышалась размеренная стрельба зенитных орудий. Сутки продержалась батарея, не имея связи с командованием. К вечеру 24 августа трое бойцов вынесли раненого командира. Они были единственными уцелевшими. Все орудийные расчеты погибли. Но первый натиск противника был отбит. Немцам не удалось взять город с хода. На-

50-1

чалась борьба на подступах, на улицах города, на площадях, в рабочих поселках, на территории сталинградских заводов-гигантов.

Два с лишним месяца идет борьба в самом Сталинграде. Железными буквами навечно записаны в историю советской страны десятки и сотни имен командиров и бойцов, — имена 33 героев, отразивших атаку колонны тяжелых танков, имена рабочих-добровольцев Токарева и Полякова, имя комиссара противотанковой части Крылова и многих летчиков, танкистов, стрелков, минометчиков, имя женщины-сталевара Ольги Ковалевой, имя сержанта Павлова, который уже 50 дней со своим отделением держит дом у одной из площадей Сталинграда. «Павловский дом» — называется в официальных сводках это здание. Кровью этих людей, их волей, их мужеством держится Сталинград.

Волжская крепость выдержала тяжелые испытания. Город, избравший своим гордым и тяжким уделом быть крепостью русской революции, город, сумевший на первом году республики сдержать натиск врага, сейчас, в пору ее двадцатипятилетия, снова сыграл решающую роль в ходе Великой отечественной войны.

И вот он лежит в развалинах, то дымящихся и теплых, как еще не остывшее тело, то холодных и мрачных. Ночью луна освещает рухнувшие здания, расщепленные пеньки срезанных снарядами деревьев. Пустынные асфальтовые площади в зеленоватом холодном лунном свете блестят, точно покрытые ледком озера, и словно проруби темнеют на них огромные ямы, пробитые фугасными бомбами. Молчат развороченные снарядами заводские цехи, не дымят трубы, могильными холмами возвышаются цветники, украшавшие заводские дворы.

Город мертв? Нет, город жив! Он не знает ни дня, ни ночи. Даже в короткие минуты затишья в каждом разрушенном доме, в каждом цехе завода идет напряженная жизнь. Зоркие глаза снайперов высматривают врагов; ходами сообщений, среди развалин несут снаряды, мины, патронные ящики; наблюдатели, засевшие в высоких этажах, ловят каждое движение противника. Командиры сидят, склонившись над картами, в подвалах, писаря переписывают донесения, политработники читают бойцам доклады, шуршат газетные листы, трудолюбиво делают свое опасное дело саперы.

Кажется, что безлюдны, пустынны и мертвы развалины. Но вот из-за угла медленно и осторожно появился немецкий танк. Тотчас же не спящий ни днем, ни ночью бронебойщик дает выстрел по фашистской машине. Немецкий пулеметчик,

прикрывая танк, начинает бить из окна дома по кирпичному прикрытию бронебойщика. Наш снайпер, сидящий на втором этаже соседнего дома, прикрывая своего бронебойщика, бьет по пулеметному гнезду немцев. Видимо, немец ранен. а может быть, и убит, — пулемет замолкает. И тотчас же гремят разрывы немецких мин; красные куски кирпича летят со стены дома, в котором притаился снайпер. Наш наблюдатель сообщает данные о немецкой батарее, и советские пушки, до этого молчавшие в окнах, парадных дверях домов, открывают огонь. Немецкий танк улепетнул, снова ушел за угол дома. Быстро меняют свои позиции снайпер, бронебойщик, легкие полковые пушки. Так бывает в редкие минуты затишья.

А большей частью дома, площади, заводы грохочут огнем, взрывами. Не легко сейчас жить в Сталинграде.

Передо мной лежит обрывок бумаги, исписанный карандашом. Это полученное недавно донесение в штаб батальона от командира роты. Вот текст его: «Вр. 11—30. Гв. ст. лей-ту Федосееву. Доношу, обстановка следующая: противник старается окружить мою роту, засылает в тыл автоматчиков, но все его попытки не увенчались успехом. Гвардейцы не отступают, пусть падут смертью храбрых бойцы и командиры, но противник не должен пройти нашу оборону. Пусть знает вся страна третью стрелковую роту, пока командир жив, фашистская сволочь не пройдет. Командир третьей роты находится в напряженной обстановке и сам лично физически нездоров, на слух оглушен и слаб. Происходит головокружение, и он падает с ног, происходит кровотечение из носа. Несмотря на все трудности, гвардейцы третьей роты не отступают назад. Погибнем героями за город Сталина, да будет врагам могилой советская земля. Надеюсь на своих бойцов и командиров».

Нет, великий город не умер! Земля и небо содрогаются от гула нашей могучей артиллерии, сражение идет с той же силой, как два месяца тому назад. Десятки тысяч живых сердец мерно и сильно стучат в сталинградских домах — это сердца сталинградских рабочих, донецких шахтеров, горьковских, уральских, московских и ивановских, вятских и пермских рабочих и крестьян. Об эти железные сердца разбились немецкие атаки. Эти сердца — самые верные в мире.

Никогда Сталинград не был так велик и прекрасен, как теперь, когда, обращенный в развалины, он торжественно славится свободолюбивыми народами мира. Сталинград жив. Сталинград борется.

Сталинград, ноябрь 1942 г.

★

2 Гроссман

Сталинградская битва

Месяц тому назад одна наша гвардейская дивизия своими тремя стрелковыми полками, с артиллерией, обозами, санитарной частью и тылами подошла к рыбачьей слободе на восточном берегу Волги, напротив Сталинграда. Марш был совершен необычайно стремительно—на автомашинах. День и ночь пылили грузовики по плоской заволжской степи. Коршуны, садившиеся на телеграфные столбы, становились серыми от пыли, поднятой движением сотен и тысяч колес и гусениц, верблюды тревожно озирались: им казалось, что степь горит,—могучее пространство все клубилось, двигалось, гудело, воздух стал мутным и тяжелым, небо заволокло красной ржавой пеленой, и солнце, словно темная секира, повисло над тонущей во мгле землей.

Дивизия почти не делала остановок в пути, вода вскипала в радиаторах, моторы грелись, люди на коротких остановках едва успевали глотнуть воды и стряхнуть с гимнастерок тяжелую, мягким пластом ложившуюся пыль, как раздавалась команда: «По машинам!», и снова моторизованные батальоны и полки гудя двигались на юг.

Стремительность движения захватила всех — и бойцов, и водителей, и артиллеристов. Только генералу Родимцеву казалось, что его дивизия движется слишком медленно, он знал, что в эти дни немцы подошли вплотную к Сталинграду. И генерал торопил дивизию, сокращал и без того короткие остановки. Напряжение его воли передавалось тысячам людей — им казалось, что вся их жизнь состоит в стремительном, день и ночь длящемся походе.

Дорога повернула на юго-запад, и вскоре стали попадаться клены и вербы с красными стройными ветвями, с узкими серебристо-серыми листьями, вокруг раскинулись большие сады, засаженные приземистыми яблонями. И одновременно с приближением к Волге дивизия увидела темное высокое облако—его нельзя было спутать с пылью, оно было зловещим, тяжелым и черным, как смерть: то поднимался над северной частью города дым горящих нефтехранилищ. Большие стрелы, прибитые к стволам деревьев, указывали в сторону Волги, на них было написано: «Переправа».

Дивизия подошла к Волге в грозные для Сталинграда часы. Нельзя было дожидаться ночной переправы—люди торопливо сгружали с машин ящики с оружием и патронами, вместе с хлебом получали гранаты, бутылки с горючей жидкостью, сахар, колбасу.

Нелегкая вещь быстро переправить через Волгу дивизию, когда в небе носятся желтые осы — мессера, когда немецкие пикировщики бомбят берег...

Но дух стремительного движения, принятый дивизией на марше, воля к сближению с противником помогли справиться с этой задачей. Люди грузились на баржи, паромы, лодки. «Готово?» — спрашивали гребцы. «Полный, вперед», — кричали капитаны катеров, и серенькая подвижная полоска зыбкой воды между бортом и берегом вдруг начинала расти, шириться, волна тихо поплескивала у носа суденышка и сотни глаз напряженно, внимательно глядели то на воду, то на поросший, начавший желтеть листвой низовой берег, то туда, где в беловатой дымке высился сожженный город, принявший жестокую и героическую судьбу.

Баржи колыхались на волне, и людям стрелковой, земной, дивизии иногда становилось страшно от того, что враг всюду, а они встречаются с ним, не чувствуя успокаивающей прочности земли под ногами. Невыносимо прозрачен и чист был воздух, невыносимо ясно синее небо, безжалостно ярким казалось солнце, обманчиво неверной текучая, плоская вода. И никого не радовало, что воздух чист, что ноздри ощущают речную прохладу, что воспаленных от пыли глаз касается нежная влажность дыхания Волги. На баржах, паромах, катерах и лодках молчали. Головы тревожно поворачивались, все глядели на небо.

— Пикирует! — крикнул кто-то.

Метрах в пятидесяти от баржи вдруг выгнало из воды высокий и тонкий голубовато-белый столб с рассыпчатой вершиной. Столб обвалился, обдав людей обильными брызгами. И тотчас еще ближе вырос и обрушился второй столб, за ним третий. А в это время немецкие артиллеристы открыли беглый огонь по начавшей переправу дивизии. Снаряды рвались на поверхности воды, и Волга покрывалась рваными пенными ранами, осколки застучали по бортам баржи, тихо вскрикивали раненые, так тихо, словно старались скрыть ранение от друзей, врагов, самих себя.

Был страшный миг, когда тяжелый снаряд ударил в борт небольшого парома. Блеснуло пламя, темным дымом закрыло паром, послышался звук взрыва и протяжный, точно родившийся из этого грохота, людской вскрик. И тотчас тысячи людей увидели, как среди покачивающихся на воде деревянных обломков зеленеют тяжелые стальные каски плывущих. Двадцать гвардейцев из сорока на пароме погибли.

Ночью переправа продолжалась, и никогда, пожалуй, сколько существует свет и тьма, люди так не радовались мраку

сентябрьской ночи. Генерал Родимцев провел ее в напряженной деятельности.

За время войны Родимцеву пришлось пройти через много испытаний. Его дивизия дралась под Киевом, она выбивала из Сталинки прорвавшиеся эсэсовские полки, она не раз разбивала кольцо окружения, переходя от обороны к бешеным атакам. Темперамент, сильная воля, спокойствие, быстрота реакции, уменье наступать, когда всякому другому кажется, что о наступлении и мечтать нельзя, военная опытность и осторожность, сочетающиеся с личным бесстрашием, — черты военного характера молодого генерала. И характер генерала стал характером его дивизии.

Мне часто приходилось встречать в армии больших патриотов своего полка, батареи, танковой бригады. Но нигде, пожалуй, не видел я такой привязанности к своей части, такого патриотизма, как здесь. Он носит трогательный характер. В дивизии гордятся, конечно, в первую очередь своими боевыми делами, гордятся своим генералом, своей техникой. Но если послушать командиров, то нигде нет такого повара, умеющего мастерски печь пирожки, такого парикмахера, который не только замечательно бреет, но и артистически играет на скрипке. Когда кого-нибудь хотят пристыдить, говорят: «Что ты, ей богу, делаешь, ведь в нашей-то дивизии...» Часто также слышишь: «Вот скажу генералу... генерал будет доволен... генерал будет огорчен». Ветераны, как они себя называют, рассказывая о больших военных делах, обязательно вставят в разговор: «Да уж так повелось, наша дивизия всегда дерется на самых ответственных участках». Раненые в госпиталях беспокоятся, как бы их не отправили в другую часть, пишут письма товарищам...

Может быть, в эту ночь, когда последние подразделения переправились в Сталинград, генерал подумал, что дружба, связывающая людей, поможет ему воевать в этой исключительно своеобразной и тяжелой обстановке.

Действительно, трудно было бы придумать более сложную и неблагоприятную картину начала боя. Дивизия, вступая в Сталинград, разделялась на три части: во-первых, тылы ее и тяжелая артиллерия оставались на восточном берегу, отделенные от полков Волгой; во-вторых, полки, переправившиеся в город, тоже не могли держать сплошной линии фронта, так как немцы уже стояли между двумя полками — переправившимся в заводском районе и полком, переправившимся ниже по течению.

Я убежден, что именно это чувство своего «дивизионного»

патриотизма, любовь, привычка, связывающая командиров, некое единство военного стиля, единство характера дивизии и ее командира в большой степени помогли разъединенным подразделениям действовать не вразброд, а как стройному целому, установить связь, взаимодействие и в конце концов, блестяще решив общую боевую задачу, создать непрерывную линию фронта всех трех полков и образцово наладить снабжение боеприпасами и продовольствием.

В самом городе положение было тяжелым: немцы считали, что занятие Сталинграда — вопрос дня, может быть часов. Главной силой обороны являлась, как часто это бывает в тяжелые времена, наша артиллерия. Немцы боролись с ней с помощью автоматчиков, — условия уличных боев позволяли незаметно подкрадываться к пушкам и внезапными очередями выбивать расчеты. Немцы вот-вот собирались вырваться к берегу и опрокинуть нас в Волгу. Но недаром день и ночь шли в клубах пыли машины, недаром шли вперед полки...

Наутро генерал Родимцев переправлялся в Сталинград на моторной лодке. Что должна была предпринять дивизия, вступившая в строй обороняющих Сталинград войск? Дивизия, тыл которой находился за Волгой, командный пункт — в пяти метрах от воды, а один полк был «отжат» немцами от остальных полков. Занять оборону, начать срочно окапываться, укрепляться в домах? Нет, не это. Положение было настолько тяжелым, что Родимцев прибег к иному, грозному, уже испытанному им под Киевом средству: он начал наступать! Наступать всеми полками, всеми средствами своего могучего огня, всей силой своего умения, всей стремительностью. Он начал наступать всей силой горького гнева, охватившего тысячи людей, увидевших в красном свете восходящего солнца тяжко израненный немцами город, с его белыми домами, чудесными заводами, широкими улицами и площадями. Солнце восхода, словно огромный налившийся кровью скорби и гнева глаз, смотрело на бронзового Хользунова, на орла с одним простертым крылом над обвалившимся зданием детской больницы, на белые фигуры нагих юношей, выделяющихся на бархатночерном фоне покрывшегося копотью пожара здания дворца физкультуры, на сотни молчащих ослепленных домов. И такими же налитыми кровью гнева и скорби глазами смотрели на изуродованный немцами город тысячи людей, переправившихся через Волгу.

Немцы не ожидали наступления, немцы настолько были уверены в том, что, методически отжимая наши войска к берегу, сбросят их в Волгу, что капитально не закрепляли занятого пространства. Гвардейский полк Елина и два других

штурмовали занятые немцами улицы города. Они не ставили себе первой целью соединиться. Первой их целью было бить противника, отнять у него то, что создавало выгодные условия немецких позиций. Полк Елина пошел на штурм, не видя двух своих товарищей-полков. Но полк чувствовал и верил, что он не один принял тяжкий жребий. Он чуял дыхание двух гвардейских полков близко, рядом, возле себя. Он слышал их тяжкую поступь, грохот их артиллерии звучал, как братские голоса, дым и пыль сражения, взметнувшиеся высоко в воздух, говорили о движении гвардии вперед.

Полк Елина штурмом взял огромные здания — опорные пункты немцев.

Никогда еще не приходилось вести таких боев. Здесь все общепринятые понятия сдвинулись, сместились, словно в город над Волгой шагнули леса, степные овраги, горные кручи и ущелья, равнинные холмы. Здесь словно воедино собрались особенности всех театров войны—от Баренцова моря до Кавказских гор. Одно отделение в течение дня переходило из-за кустарников и деревьев, напоминавших рощи Белоруссии, в горную расщелину, где в полумраке нависающих над узким переулком стен приходилось пробираться по каменным глыбам обвалившегося брандмауэра, еще через час оно выходило на залитую асфальтом огромную площадь, во сто крат более ровную, чем донская степь, а к вечеру ему приходилось ползти по огородам среди вскопанной земли и полуобгоревших поваленных заборов, совсем как в дальней курской деревеньке. И эта резкая смена требовала постоянного напряжения командирской мысли, быстрой перестройки всех приемов боя. А иногда часами длились упорные штурмы домов, бои происходили в заваленных кирпичом полуразрушенных комнатах и коридорах, где сражающиеся путались ногами в сорванных проводах, среди измятых остовов железных кроватей, кухонной и домашней утвари. И эти бои не были похожи ни на один театр от Баренцова моря до Кавказа.

В одном здании немцы засели так прочно, что их пришлось поднять на воздух вместе с тяжелыми стенами. Шесть человек сапер под лютым огнем чующих смерть немцев поднесли на руках 10 пудов взрывчатки и произвели взрыв. И вот на миг представляешь себе эту картину: лейтенанта сапера Чермакова, двух сержантов Дубового и Бугаева, саперов Клименко, Шухова, Мессерашвили, ползущих под огнем вдоль разваленных стен, каждого с полуторапудовым запасом смерти, их потные, грязные лица, их потрепанные гимнастерочки.

Сержант Дубовый крикнул:

— Не дрейфь, саперы! — и Шухов, кривя рот, отплевывая пыль, отвечал:

— Где уж тут! Дрейфить раньше надо было.

А пока Елин победоносно занимал здание за зданием, другие два полка штурмовали курган, место, с которым многое связано в истории Сталинграда, — оно известно со времен гражданской войны. Здесь играли дети, гуляли влюбленные, катались зимой на санках и на лыжах. Место это на русских и немецких картах обведено жирным кружком. Когда его заняли немцы, то генерал Тотт, вероятно, сообщил об этом радостной радиограммой германской ставке! Там оно значится как «господствующая высота, с которой просматриваются Волга, оба ее берега и весь город». А на войне то, что просматривается, то и простреливается. Страшное это слово — господствующая высота. Ее штурмовали гвардейские полки.

Много хороших людей погибло в этих боях. Многих не увидят матери и отцы, невесты и жены. О многих будут вспоминать товарищи и родные. Много тяжелых слез прольют по всей России о погибших в боях за курган. Недешево далась гвардейцам эта битва. Красным курганом назовут его. Железным курганом назовут его — весь покрылся он колючей чешуей минных и снарядных осколков, хвостами-стабилизаторами германских авиационных бомб, темными от пороховой копоти гильзами, рубчатыми, рваными кусками гранат, тяжелыми стальными тушами развороченных германских танков. Но пришел славный миг, когда боец Кентя сорвал немецкий флаг, бросил его о земь и наступил на него сапогом.

Полки дивизии соединились. Невиданно тяжелое наступление завершилось успехом. Этим как бы закончился первый период боевой работы дивизии в Сталинграде. Фронт, занятый ее полками, сплошной линией прошел по выгодным и устойчивым рубежам. Люди обогатились в этих боях огромным, бесценным опытом, который нельзя было почерпнуть ни в одной академии мира.

Начался второй период тяжкой битвы — оборонительная война, с десятками внезапностей, мощными атаками немецких танков, жестокими налетами пикировщиков, контратаками наших подразделений — новый период со своим изумительным, странным, ни на что не похожим бытом. Ведь шли не только часы, шли дни и недели жизни в этом дымном аду, где ни на минуту не смолкали пушки и минометы, где гул танковых и самолетных моторов, цветные ракеты, разрыв мин стали так привычны городу, как некогда были привычны дребезжанье трамвая, автомобильные гудки, уличные фонари, многоголосый гул Тракторного завода, деловитые

голоса волжских пароходов. И здесь ведущие битву создали свой быт — здесь пьют чай, готовят в котлах обеды, играют на гитаре, шутят, следят за жизнью соседей, беседуют. Здесь живут люди, чей характер, привычки, склад души и мысли — плоть от плоти народа, пославшего на трудный подвиг своих сыновей.

Мы пошли на командный пункт дивизии в девять часов вечера. Темные воды Волги были освещены разноцветными ракетами; они на невидимых стеблях склонялись над истерзанной набережной, и вода то казалась шелковистозеленой, то фиолетово-синей, то вдруг становилась розовой, словно вся кровь великой войны впадала в Волгу.

— Слышь, обед приносили? — спрашивает боец, сидящий у входа в блиндаж. Из темноты отвечает голос:

— Давно пошли, да вот нет их обратно. Либо залегли где, либо не дойдут уже вовсе. Сильно очень бьет около кухонь.

Командный пункт дивизии размещен в глубоком подвале, напоминающем горизонтальную штольню каменноугольной шахты: штольня выложена камнем, креплена бревнами и, как в заправской шахте, по дну ее журчит вода. Здесь, где все понятия сместились, где продвижение на метры равносильно многокилометровым боевым движениям в полевых условиях, где иногда расстояние к засевшему в соседнем доме противнику измеряется двумя десятками шагов, естественно, сместилось и взаиморасположение командных пунктов дивизии. Штаб дивизии находится недалеко от противника, соответственно расположены командные пункты полков и батальонов. «Связь с полками в случае порыва, — шутя говорит работник штаба, — легко поддерживать голосом, крикнешь — услышат. А оттуда голосом в батальон передадут». Но обстановка командного пункта такая же, как обычно, — она не меняется, где бы ни стоял штаб: в лесу, во дворце, в избе. И здесь, в подземелье, где все ходит ходором от взрывов мин и снарядов, сидят, склонившись над картой, штабные командиры, и здесь ставший традиционным во всех очерках с фронтов войны связист кричит: «Я — луна, я — луна», и здесь, скромно держа в рукаве махорочную папиросу и стараясь не дышать в сторону начальства, сидят в углу связные. И сразу же здесь, в штольне, освещенной бензиновыми лампочками, чувствуется, что к одному человеку тянутся все нити проводов из разрушенных домов, заводиков, мельниц, занятых гвардейской дивизией, что к одному человеку обращены вопросы командиров.

В штольне, словно у основания плотины, сдерживающей страшный напор рвущихся к Волге вражеских сил, пол, стены,

потолок — все дрожит от напряжения, от тяжести взрывов бомб и ударов снарядов: дребезжат телефоны, пляшет пламя в лампах, и огромные неясные тени судорожно движутся на мокрых каменных стенах. А люди спокойны — они здесь, в этом горниле, были вчера, были месяц назад, будут завтра. Сюда несколько ночей назад прорвались немцы и бросали под откос ручные гранаты; пыль, дым, осколки летели в штольню, из тьмы доносились выкрики команды на чуждом, дико звучащем здесь, на волжском берегу, языке. И командир дивизии Родимцев оставался в этот роковой час таким же, как всегда: спокойным, с немного насмешливой речью, каждым размеренным своим словом закладывающий увесистый камень в пробитую вражеской силой плотину. И вражеская сила отхлынула.

Мы беседуем с генералом Родимцевым. Он говорит:

— Дивизия вошла в ритм битвы.

За время нашего разговора телефоны звонили раз десять, и генерал чуть-чуть поворачивал голову, говорил два-три слова дежурному по штабу. И в этих коротких словах, произносимых легко, буднично, словах боевых приказов, была торжественная сила человека, овладевшего ритмом боевой бури, человека, диктовавшего этот ритм дивизии, которой он командует.

Заместитель генерала отдавал последние распоряжения перед штурмом одного из домов, занятого немцами. Этот пятиэтажный дом имел большое значение, из его окон немцы просматривали Волгу и часть берега.

План штурма меня поразил множеством деталей, сложностью разработки. На аккуратно сделанном чертеже был нанесен дом и все соседние постройки. Условные значки показывали, что во втором этаже в третьем окне находится ручной пулемет, на третьем этаже в двух окнах сидят снайперы, а в одном расположен станковый пулемет — словом, весь дом был разведан по этажам, по окнам, по черным и парадным подъездам. В штурме этого дома участвовали минометчики, гранатометчики, снайперы, автоматчики. В этом штурме участвовала полковая артиллерия и мощные пушки, находившиеся на том берегу, в Заволжье. У каждого рода оружия была своя задача, строго сопряженная с общей целью, взаимная связь, управление осуществлялись системой световых сигналов, по радио, телефонами.

...Глубокой ночью мы ехали вдоль Сталинграда на моторной лодке. Шесть километров дороги, несколько десятков минут по широкой волжской воде.

Волга кипела, синий пламень разрывов германских снарядов вспыхивал на волнах, выли несущие смерть осколки,

угрюмо гудели в темном небе наши тяжелые бомбардировщики. Сотни светящихся, вьющихся трасс, окрашенных в синий, красный, белый цвета, тянулись к ним от германских зенитных батарей, бомбардировщики изрыгали по немецким прожекторам белые трассы пулеметных очередей. Заволжье, казалось, потрясало всю вселенную могучим рокотаньем тяжелых пушек, всей силой великой нашей артиллерии. На правом берегу земля дрожала от взрывов, широкие зарницы бомбовых ударов вспыхивали над заводами, земля, небо, Волга — все было охвачено пламенем. И сердце чуяло — здесь идет битва за судьбы родины, здесь ровно, торжественно, среди пламени сражается наш народ.

Сталинград, октябрь 1942 г.

Сталинградская переправа

Волга... Темная вода бежит под облачным небом, холодом веет от нее. И едва сгущаются сумерки, из землянок, блиндажей, траншей, из тайных укрытий выходят люди, держащие переправу. Это по ним немцы в последние недели выпустили 8 000 мин и 5 000 снарядов, это на них обрушилось за полторы недели 550 авиационных бомб. Земля на переправе вспахана злым железом.

В сумерках появляется темный высокий силуэт негруженной баржи. Хозяйским хриплым баском покрикивает буксирный пароходик. Будто по чьему-то слову чудесно оживает все вокруг, жужжат буксующие в песке грузовики, красноармейцы, покряхтывая, несут плоские ящики со снарядами, бутылками с горючей жидкостью, патроны, гранаты, хлеб, сухари, колбасу, пакеты пищевых концентратов. Баржа оседает все ниже и ниже.

А немецкий огонь не прекращается ни на минуту. Но теперь он не прицельный, наблюдатели противника не видят, что происходит на берегу, не видят темной шири реки. Снаряды со свистом перелетают через Волгу, рвутся, освещая на миг красными вспышками деревья, холодный белый песок. Осколки, пронзительно голося, разлетаются вокруг, шуршат меж прибрежной лозы. Но никто не обращает на них внима-

ния. Погрузка идет стремительно, слаженно, великолепная своей будничностью.

Под огнем немецкой артиллерии люди работают, как работали всегда на Волге: тяжело и дружно. Их работа освещена пламенем горящего Сталинграда. Ракеты поднимаются над городом, и в их стеклянно чистом свете меркнет мутное дымное пламя пожаров. Тысяча триста метров волжской воды отделяют причалы лугового берега от Сталинграда. Не раз слышали бойцы понтонного батальона, как в короткой тишине над Волгой проносился приглушенный, кажущийся издали печальным, звук человеческих голосов: — а-а-а... То поднималась в контратаку наша пехота, и это протяжное «ура» пехоты, дерущейся в пылающем Сталинграде, этот вечный огонь, дымное дыхание которого доходило через широкую воду, придавали бойцам переправы силу творить свой суровый подвиг, в котором воедино слились тяжкая будничная работа русского рабочего с доблестью солдата.

Все они понимали значение своей работы. Переправа питает сталинградские дивизии хлебом и снаряжением. Идут к Сталинграду баржи, лодки, тральщики, моторные катеры. Работает штурмовой мостик, наведенный с острова на правый берег Волги.

Бойцы понтонного батальона все почти ярославцы. Живут ярославцы наредкость дружно, большим братским землячеством. Заместитель командира батальона по политической части Перминов, сам волгарь, человек с темнокрасным от солнца и речного ветра лицом, находится на переправе с первого дня. Голос у него громкий, привыкший к команде, привыкший перекрикивать грохот рвущихся снарядов, — он даже во время беседы говорит, словно команду отдает.

— Эх, люди у нас в батальоне, я даже не знаю, золото люди. Гордятся — мы ярославцы. Недавно в газете статья была большая о Ярославле, так эту газету вконец зачитали, собрания устроили — обсуждали. «Про наш Ярославль как пишут!» И вот удивительная вещь: ведь работа на переправе — горькое дело, последние дни авиация тучей над нами висит, поверите ли, за один день насчитали мы тысячу восемьсот заходов, глохнешь от этого воя и рева, а люди так любят свой батальон, так своей работой гордятся, что заикнитесь только, чтоб откомандировать человека, — трагедия будет.

С рассветом понтонный батальон отдыхает. Похрапывают в блиндажах и землянках бойцы под оглушительный рев немецкой авиации, с тупым бешенством карежущей землю.

— Как можно спать при такой бомбежке? — спрашиваю я бойцов.

— Да вот спим, — говорят понтонеры, — день не поспишь, второй не поспишь, да поустанешь как следует и потом ляжешь, и все равно заснешь.

Люди на этом раскаленном берегу, зарывшись в землю, не изменяют чудесному строю своей простой души. Когда читаешь воспоминания о войне французов, англичан, американцев, все они пишут, что на войне, в бою, они становятся иными, что весь душевный мир их изменяется, что они переоценивают все ценности, что казавшееся им дорогим и близким вдруг становится ненужным, смешным.

А русский человек, воюющий в пламени горящего, сотрясаемого взрывами Сталинграда, такой же неизменный, ясный, простой, бесконечно скромный, каким знаем мы его в великом мирном труде. Так же бережно хранит он письма, пришедшие из дальних деревень, так же любовно говорит о ребятишках своих и стариках, покуривает, вздохнет, задумается, когда ему не в меру тяжело, кипятит чаек среди развалин дома, окруженного немецкими автоматчиками, и верит в то, что добро есть добро, что нет ничего сильней и выше в жизни, чем правда.

И здесь, на переправе, идет во время дневного отдыха обычная, прекрасная своей святой будничностью жизнь. Кухни, зарытые в землю, варят обед, русская печь, хитро и умело построенная в земле, печет пышный, легкий подовый хлеб, и пекари посмеиваются, гордятся своим отличным мастерством. Бойко работает подземная баня, и отчаянно парятся в ней, лупцуют себя вениками бойцы сталинградской переправы, пока вокруг них, совсем рядом, рвутся тяжелые бомбы немецких пикировщиков. При слабом свете, проникающем в блиндаж, пишут бойцы письма, не забывают послать поклон всей близкой и дальней родне, чтоб, не дай бог, не обидеть невниманием деда Ивана Дмитриевича или бабку Марию Семеновну. А о себе пишут в этих письмах сурово и кратко: «Живу хорошо. Пока жив».

Часто бывает, что один человек воплощает в себе все особенные черты большого дела. И вот, по-моему, сержант Власов и есть выразитель суровой и будничной героичности сталинградской переправы. В этом высоком человеке, с темнокоричневым узким горбоносым лицом, с тонкими губами и большими, тяжелыми кистями рук, воплотились многие черты народного характера. Власов — человек долга. В колхозе народ в его бригаде покряхтывал иногда — очень уж суров был этот никогда не улыбавшийся, темнолицый человек с карими, тяжело и ярко глядящими глазами. Дома ребята побаивались отца, бывал он строгонек с ними, и даже старший

сын, служащий теперь в гвардии, робел, когда Павел Власов говорил ему: «Алексашка, гляди у меня, я не баловал в жизни, не вильнул ни разу, и ты не балуй!»

Власов был колхозным казначеем, на руках у него хранились большие тысячи. Когда колхоз сплавлял лес по Волге, Власова избрали главным бригадиром на плотах — уж больно хорошо знали его плотовщики. Получив извещение из военкомата, Власов пошел в правление, сдал все деньги до копейки, отчитался в своей бригадирской работе, простился со стариками и сказал, уходя:

— Работал я честно, в колхозе не последним был, а убьют на войне, за мной долгов не останется, во всем отчитался.

Дома он простился с семьей просто и сурово, словно уходил в поле или лес заготовлять, велел детям слушаться мать, писать, как справляются с работой. Взял он в мешок смену белья, стираных портянок и пошел в ночь, высокий, прямой, с плотно сжатыми губами, пошел, ни разу не оглянувшись на родную деревню, — человек могучей души, ни разу не слукавивший перед народом и самим собой, жестоко и неистово требовательный к другим и к себе.

Такие суровые души выковываются тяжким молотом векового труда, и можно было бы их назвать жесткими, не будь они столь бескорыстно преданы правде, труду и долгу. Таких людей, как Власов, немало в нашем народе, и вряд ли думали немцы о них, начиная поход против России, — эту железную породу невозможно ни согнуть, ни сломать. Они, Власовы, выразители не доброты и мягкости народного характера, — они носители суровости, непримиримости, неистребимой, неистовой силы русской народной души.

Здесь, на волжской переправе, во всю высоту распрямилась фигура Власова. В долгие осенние ночи, глядя на сумрачные лица бойцов, переправлявшихся через Волгу, на тяжелые танки и пушки, поблескивавшие в свете горящих нефтехранилищ, глядя на сотни раненых в рыжих от пропитавшей их крови, изодранных осколками шинелях, прислушиваясь к мрачному вою германских мин и к далекому протяжному «ура» нашей пехоты, поднимающейся в контратаки, думал Власов одну большую думу.

Вся сила его духа обратилась к одной цели: держать переправу нашего войска. Это святое дело. Оно стало единственной целью, смыслом его жизни. И народ, породивший людей, подобных Власову, должен победить в войне за свободу. Всякий человек, мешавший работе переправы, становился для Власова смертным и вечным врагом, будь он хоть сын ему, хоть брат.

Был такой случай. Немцы разбили пристань на правом берегу. Власову с его отделением приказали на быстроходном моторном катере переправиться через Волгу, исправить причал. День был ясный, светлый, и немец, едва увидев катер, открыл огонь — вода вскипела от частых, жестоких разрывов.

Шофер-моторист Ковальчук изменил курс, причалил к острову и сказал:

— Вылезайте, на тот берег не пойду, мне жизнь дороже разных там причалов.

Как только ни просил, ни уговаривал его Власов!

— Вылазь, к чертям собачьим, — кричал Ковальчук, — я на переправе работать не буду, лучше в плен попасть, чем здесь работать.

Власов рассказал мне об этом случае тяжелыми, медленными словами.

— Ну, а приговор ему я сам привел в исполнение...

Власов замолчал. В нем, в этом сорокалетнем человеке, отце шестерых детей, человеке великого и тяжкого трудового долга, словно воплотилась гневная сила нашего народа.

Вот сержант Власов стоит на носу тяжелой баржи, медленно плывущей через Волгу. На барже снаряды, гранаты, ящики с горючей жидкостью, на барже четыреста красноармейцев. Эта баржа идет днем, — положение таково, что некогда дожидаться ночи. Власов стоит, прямой, угрюмый, и смотрит на разрывы снарядов, пенящие воду.

Он оглядывает молодых бойцов, стоящих на барже. Он видит: людям страшно. И сержант Власов, человек с черными, начавшими серебриться волосами, говорит молодому бойцу: «Ничего, сынок. Хоть бойсь, не бойсь. Нужно!»

Тяжелый снаряд прошипел над головой и взорвался в десяти метрах от баржи, несколько осколков ударилось о борт.

— Сейчас угодит, подлец, по нас, — сказал Власов и посмотрел на бойцов, легших вдоль борта. Мина пробила палубу недалеко от выезда, проникла в трюм и там взорвалась, расщепила борт на метр ниже воды. Наступил страшный миг. Люди заметались по палубе. И страшней вопля раненых, страшней тяжелого топота сапог, страшней, чем разнесшийся над водой крик «тонем, тонем!», — был глухой и мягкий шум воды, ворвавшейся в разворочённый борт баржи. Катастрофа произошла посредине Волги. И в эти страшные минуты, когда в полуметровую дыру хлестала вода, когда страх смерти охватил людей, сержант Власов сорвал с себя шинель и страшным усилием, преодолевая

напор воды, плотной, словно стремительный свинец, сильной, словно вся Волга напружилась своим огромным, тяжким телом, чтобы прорваться в пробоину, он втиснул свернутую кляпом шинель в эту пробоину, навалился на нее грудью. Несколько мгновений, пока подоспела помощь, длилось это единоборство человека с рекой. Пробоину забили. Власов уже был наверху, он перевалился всем телом за борт. Сержант Дмитрий Смирнов держал его за ноги, а Власов с лицом, налившимся темной кровью, шпаклевал мелкие пробоины паклей...

Боеприпасы, четыреста бойцов достигли сталинградского берега.

Лицо Власова спокойно и неподвижно, яркие карие глаза его смотрят прямо на меня, впалые щеки и прямой рот придают всему облику его выражение скорбное и суровое.

...Днем переправа не работает. Днем безлюден и берег, пустынна Волга, темная вода бежит под облачным осенним небом. Ушли точно под воду огромные баржи, тральщики, буксирные пароходы, моторные и весельные лодки. Лишь изредка промчится среди бурунов пены, резко меняя курс, быстроходный моторный катер с мощным зисовским мотором. Гудит берег от бомбовых разрывов, летят в воздух тучи земли, дыма, желтая листва осенних деревьев. Зловеще свистят над водой снаряды тяжелых немецких орудий.

Сталинград, ноябрь 1942 г.

---★---

Направление главного удара

Ночью сибирские полки дивизии полковника Гуртьева заняли оборону. Всегда суров и строг вид завода, но можно ли найти в мире картину суровее той, что увидели люди дивизии в октябрьское утро 1942 г. Темные громады цехов, поблескивающие влагой рельсы, уже кое-где тронутые следами окиси, нагромождение разбитых товарных вагонов, горы стальных стволов, в беспорядке валяющихся по обширному, как площадь, заводскому двору, холмы красного шлака, уголь, могучие заводские трубы, во многих местах пробитые немецкими снарядами. На асфальтированной площадке темнели ямы, вырытые авиационными бомбами, всюду валялись

стальные осколки, изорванные силой взрыва, словно тонкие лоскуты ситца.

Дивизии предстояло стать перед этим заводом. За спиной была холодная темная Волга. Два полка обороняли завод. Третий полк оборонял район глубокой балки, шедшей через заводские поселки к Волге. «Лог смерти» называли ее бойцы и командиры полка. Да, за спиной была ледяная темная Волга, за спиной была судьба России. Дивизии предстояло стоять насмерть.

То, что в мировую войну 1914—1918 гг. распределялось на два фронта, что в прошлом году давило на одну лишь Россию по фронту в 3 000 километров, нынешним летом и нынешней осенью тяжким молотом обрушилось только на Сталинград и Кавказ. Но мало того, здесь, в Сталинграде, немцы вновь заострили свое наступательное давление. Они стабилизировали свои усилия в южных и центральных частях города. Вся огневая тяжесть бесчисленных минометных батарей, тысяч орудий и воздушных корпусов обрушилась на северную часть города, на стоящий в центре промышленного района завод. Немцы полагали, что человеческая природа не в состоянии выдержать такого напряжения, что нет на земле таких сердец, таких нервов, которые не порвались бы в диком аду огня, визжащего металла, сотрясаемой земли и обезумевшего воздуха. Здесь был собран весь дьявольский арсенал германского милитаризма — сверхтяжелые и огнеметные танки, шестиствольные минометы, армады пикирующих бомбардировщиков с воющими сиренами, осколочными, фугасными бомбами. Здесь автоматчиков снабдили разрывными пулями, артиллеристов и минометчиков — термитными снарядами. Здесь была собрана германская артиллерия от малых калибров противотанковых полуавтоматов до тяжелых дальнобойных пушек. Здесь ночью было светло от пожаров и ракет, здесь днем было темно от дыма горящих зданий и дымовых шашек германских маскировщиков. Здесь грохот был плотен, как земля, а короткие минуты тишины казались страшней и зловещей грохота битвы. И если мир склоняет головы перед героизмом русских армий, если русские армии с восхищением говорят о защитниках Сталинграда, то уже здесь, в самом Сталинграде, бойцы с почтительным уважением произносят:

— Ну, так что мы! Вот люди заводы держат — это да!

Грозные эти слова для военного человека: «Направление главного удара». Нет слов страшнее на войне, и, конечно, не случайно, что в хмурое осеннее утро заняла оборону у завода именно сибирская дивизия полковника Гуртьева. Сибиряки —

народ коренастый, строгий, привыкший к холоду и лишениям, молчаливый, любящий порядок и дисциплину, резкий на слово. Сибиряки — народ надежный, кряжистый. В суровом молчании били они кирками каменистую землю, рубили амбразуры в стенах цехов, устраивали блиндажи, окопы, ходы сообщения.

Полковник Гуртьев, сухощавый 50-летний человек, в 1914 г. ушел со второго курса Петербургского политехнического института добровольцем на русско-германскую войну. Он был тогда артиллеристом, воевал с немцами под Варшавой, под Барановичами, Чарторийском. 28 лет своей жизни посвятил полковник военному делу, воевал и учил командиров. Два сына его лейтенантами ушли на войну. В далеком Омске остались жена и дочь-студентка. И в этот торжественный и грозный день полковник вспомнил и сыновей-лейтенантов, и дочь, и жену, и много десятков воспитанных им молодых командиров, и всю свою долгую, полную труда, спартански скромную жизнь. Да, пришел час, когда все принципы военной науки, морали, долга, которые он с суровым постоянством преподавал сыновьям своим, ученикам, сослуживцам, должны были получить проверку. С волнением поглядывал полковник на лица солдат-сибиряков — омичей, новосибирцев, красноярцев, барнаульцев, тех, с кем судила ему судьба отражать удары врага.

Сибиряки придвинулись к великому рубежу обороны хорошо подготовленными. Дивизия прошла большую школу, прежде чем выступить на фронт. Тщательно и умно, беспощадно придирчиво учил бойцов полковник Гуртьев. Он знал, что, сколь ни тяжелы военная учеба, ночные учебные штурмы, утюжение танками сидящих в щелях бойцов, долгие марши, — все же во много крат тяжелее и суровее сама война. Он верил в стойкость и силу сибирских полков. Он проверил ее в дороге, когда за весь долгий путь было лишь одно чрезвычайное происшествие: боец уронил на ходу поезда винтовку, соскочил, поднял ее и три километра бежал до станции, чтобы догнать идущий к фронту эшелон. Он проверил стойкость полков в сталинградской степи, где впервые необстрелянные люди спокойно отразили внезапную атаку тридцати немецких танков. Он проверил выносливость сибиряков во время последнего марша к Сталинграду, когда люди за двое суток покрыли расстояние в 200 километров. И все же с волнением поглядывал полковник на лица бойцов, вышедших на главный рубеж, на направление главного удара.

Гуртьев верил в своих командиров. Молодой, не знающий

устали начальник штаба полковник Тарасов мог дни и ночи сидеть в сотрясаемом взрывами блиндаже над картами, планировать сложный бой. Его прямота и беспощадность суждений, его привычка смотреть жизни прямо в глаза и искать военную правду, как бы горька она ни была, зиждились на железной вере. В этом небольшом сухощавом молодом человеке, с лицом, речью и руками крестьянина, жила неукротимая сила мысли и духа. Заместитель командира дивизии по политической части Свирин обладал крепкой волей, острой мыслью, аскетической скромностью; он умел оставаться спокойным, веселым и улыбаться там, где забывал об улыбке самый спокойный и жизнерадостный человек. Командиры полков Маркелов, Михалев и Чамов были гордостью полковника, он верил им, как самому себе. О спокойной храбрости Чамова, о несгибаемой воле Маркелова, о замечательных душевных качествах Михалева, любимца полка, по-отечески заботливом к подчиненным, мягком и «симпатичнейшем человеке», не знающем, что такое страх, все в дивизии говорили с любовью и восхищением. И все же с волнением глядел на лица своих командиров полковник Гуртьев, ибо он знал, что такое направление главного удара, что значит удержать великий рубеж сталинградской обороны.

«Выдержат ли, выстоят ли?» — думал полковник. Едва дивизия успела закопаться в каменистую почву Сталинграда, едва управление дивизии ушло в глубокую штольню, выдолбленную в песчаной скале над Волгой, едва протянулась проволочная связь и застучали радиопередатчики, связывающие командные пункты с занявшей в Заволжье огневые позиции артиллерией, едва мрак ночи сменился рассветом, как немцы открыли огонь. Восемь часов подряд пикировали «Юнкерсы-87» на оборону дивизии, восемь часов без единой минуты перерыва шли волна за волной немецкие самолеты, восемь часов выли сирены, свистели бомбы, сотрясалась земля, рушились остатки кирпичных зданий, восемь часов в воздухе стояли клубы дыма и пыли, смертно выли осколки. Тот, кто слышал вопль воздуха, раскаленного авиационной бомбой, тот, кто пережил напряжение стремительного десятиминутного налета немецкой авиации, тот поймет, что такое восемь часов интенсивной воздушной бомбежки пикирующих бомбардировщиков.

Восемь часов сибиряки били всем своим оружием по немецким самолетам, и, вероятно, чувство, похожее на отчаяние, овладевало немцами, когда эта горящая, окутанная черной пылью и дымом заводская земля упрямо трещала винтовочными залпами, рокотала пулеметными очередями, короткими

ударами противотанковых ружей и мерной стрельбой зениток. Немцы ввели в действие тяжелые полковые минометы и артиллерию. Нудное шипение мин и вой снарядов присоединились к свисту сирен и грохоту рвущихся авиационных бомб. Так продолжалось до ночи. В печальном и строгом молчании хоронили красноармейцы своих погибших товарищей. Это был первый день — «новоселье». Всю ночь не умолкали немецкие артиллерийские и минометные батареи.

Этой ночью на командном пункте полковник Гуртьев встретил двух своих старых друзей, которых не видел больше 20 лет. Люди, расставшиеся молодыми, неженатыми, встречались уже седыми, морщинистыми. Двое из них командовали дивизиями, третий — танковой бригадой. Они обнялись, и все вокруг — начальники их штабов, и адъютанты, и майоры из оперативного отдела — увидели слезы на глазах седых людей. «Какая судьба, какая судьба» — говорили они. И в самом деле: что-то величественное и трогательное было во встрече друзей юности в грозный час, среди пылавших заводских корпусов и развалин Сталинграда. Видно, правильной дорогой шли они, если встретились вновь при выполнении высокого и тяжелого долга.

Всю ночь грохотала немецкая артиллерия, и едва взошло солнце над вспаханной немецким железом землей, появилось 40 пикировщиков, и снова завыли сирены, и снова черное облако пыли и дыма поднялось над заводом, закрыло землю, цехи, разбитые вагоны, и даже высокие заводские трубы потонули в черном тумане. В это утро полк Маркелова не остался в земле. Предупреждая решительный удар немцев, он вышел из укрытий, убежищ, окопов, он покинул бетонные и каменные норы и перешел в наступление. Батальоны шли вперед через горы шлака, через развалины домов, мимо гранитного здания заводской конторы, через рельсовые пути, через садик городского предместья. Они шли, и над головами людей был весь ад немецкой воздушной армии. Железный ветер бил в лицо, а они все шли вперед, и, наверное, чувство суеверного страха охватило противника: люди ли шли в атаку, смертны ли они?

Да, они были смертны. Полк Маркелова прошел километр, занял новые позиции, закрепился на них. Только здесь знают, что такое километр. Это — тысяча метров, это — сто тысяч сантиметров. Ночью немцы атаковали полк во много раз превосходящими силами. Шли батальоны немецкой пехоты, шли тяжелые танки, пулеметы заливали позиции полка железом. Пьяные автоматчики лезли с упорством лунатиков. Повесть о том, как сражался полк Маркелова, расскажут мертвые

тела бойцов, расскажут друзья, слышавшие, как в ночь и на следующий день и снова в ночь рокотали русские пулеметы, раздавались взрывы русских гранат. Повесть об этом бое расскажут развороченные и сожженные немецкие танки и длинные вереницы крестов с немецкими касками, выстроившиеся повзводно, поротно, побатальонно. Да, они были простыми смертными и мало кто уцелел из них.

На третий день немецкие самолеты висели над дивизией уже не восемь, а двенадцать часов. Они оставались в воздухе после заката солнца, и из высокой тьмы ночного неба возникли воющие голоса сирен «Юнкерсов», и, как тяжелые и частые удары молота, обрушивались на полыхавшую дымным красным пламенем землю фугасные бомбы. С утренней зари до вечерней били по дивизии немецкие пушки и минометы. Сто артиллерийских полков работали на немцев в районе Сталинграда. Иногда они устраивали огневые налеты, по ночам они вели изматывающий методический огонь. Вместе с ними работали минометные батареи. По нескольку раз в день вдруг замолкали немецкие пушки, минометы, вдруг исчезала давящая сила пикировщиков. Наступала необычайная тишина. Тогда наблюдатели кричали: «Внимание!» — и боевое охранение бралось за бутылки горючей жидкости, бронебойщики раскрывали брезентовые сумки патронов, автоматчики обтирали ладонью свои ППШ, гранатометчики поближе подвигали ящики гранат. Эта короткая минутная тишина не означала отдыха. Она предшествовала немецкой атаке. Вскоре лязг сотен гусениц, низкое гудение моторов оповещали о движении танков, и лейтенант кричал:

— Товарищи, внимание! Слева автоматчики!

Иногда немцы подходили на расстояние 30—40 метров, и сибиряки видели их грязные лица, порванные шинели, слышали выкрики коверканных русских слов, угрозы, а после того, как немцы откатывались, на дивизию с новой яростью обрушивались пикировщики и огневые валы артиллерии и минометы.

В отражении немецких атак великая заслуга принадлежит нашей артиллерии. Командир одного артиллерийского полка Фугенфиров, командиры дивизионов и батарей находились вместе с батальонами, ротами дивизии на передовой. Радио связывало их с огневыми позициями, и десятки мощных дальнобойных орудий на левом берегу жили одним дыханием, одной тревогой, одной бедой и одной радостью с пехотой. Артиллерия делала десятки замечательных вещей. Она прикрывала стальным плащом пехотные позиции, она карежила, как картон, сверхтяжелые немецкие танки, с которыми не могли справиться бронебойщики. Она, словно меч, отсекала

автоматчиков, лепившихся к броне танков. Она взрывала склады и поднимала на воздух немецкие минометные батареи. Нигде за время войны пехота так не чувствовала дружбу и великую мощь артиллерии, как в Сталинграде.

В течение месяца немцы произвели 117 атак на полки сибирской дивизии. Был один страшный день, когда немецкие танки, пехота 23 раза шли в атаку. И эти 23 атаки были отбиты. В течение месяца каждый день, за исключением трех, немецкая авиация висла над дивизией 10—12 часов. Все это происходит на фронте длиной около полутора — двух километров. Этим грохотом можно было оглушить человечество, этим огнем и металлом можно было сжечь и уничтожить государство. Немцы полагали, что сломают моральную силу сибирских полков. Они думали, что перекрыли предел сопротивления человеческих сердец и нервов. Но удивительное дело: люди не согнулись, не сошли с ума, не потеряли власть над своими сердцами и нервами, а стали сильней и спокойней. Молчаливый, кряжистый сибирский народ стал еще суровей, еще молчаливей, ввалились у красноармейцев щеки, мрачно смотрели глаза. Здесь, на направлении главного удара германских сил, не слышно было в короткие минуты отдыха ни песни, ни гармоники, ни веселого легкого слова. Здесь люди выдерживали сверхчеловеческое напряжение. Бывали периоды, когда они не спали по трое-четверо суток кряду, и командир дивизии — седой полковник Гуртьев, разговаривая с красноармейцами, с болью услышал слова бойца, тихо сказавшего ему:

— Есть у нас все, товарищ полковник, и хлеб — девятьсот граммов, и горячую пищу непременно два раза в день приносят в термосах, да не кушается.

Гуртьев любил и уважал своих людей, и знал он, когда солдату «не кушается», то уж крепко, по-настоящему тяжело ему. Но теперь Гуртьев был спокоен. Он понял: нет на свете силы, которая могла бы сдвинуть с места сибирские полки. Великим и жестоким опытом обогатились красноармейцы и командиры за время боев. Еще прочней и совершенней стала оборона. Перед заводскими цехами выросли целые переплетения саперных сооружений — блиндажи, ходы сообщения, стрелковые ячейки. Инженерная оборона была вынесена далеко вперед, перед цехами. Люди научились быстро и слаженно производить подземные маневры, сосредоточиваться, рассыпаться, переходить из цеха в окопы ходами сообщения и обратно, в зависимости от того, куда обрушивала свои удары авиация противника, в зависимости от того, откуда появлялись танки и пехота атакующих немцев.

Вместе с опытом росла внутренняя закалка людей. Дивизия превратилась в совершенный, на диво слаженный единый организм. Люди дивизии сами не могли ощутить тех психологических изменений, которые произошли в них за месяц пребывания в аду, на переднем крае обороны великого сталинградского рубежа. Им казалось, что они те же, какими были всегда, — они в редкую свободную минуту мылись в подземных банях, им так же доставляли горячую пищу в термосах, и заросшие бородами Макаревич и Карнаухов, похожие на мирных сельских почтарей, приносили под огнем на передовую в своих кожаных сумках газеты и письма из далеких омских, тюменских, тобольских, красноярских деревень. Они, как и прежде, вспоминали о своих плотницких, кузнечных, крестьянских делах. Они насмешливо звали шестиствольный немецкий миномет «дурилой», а пикирующих бомбардировщиков с сиренами — «скрипунами» и «музыкантами». Им казалось, что они все те же, и только вновь приезжавшие с лугового берега с почтительным изумлением смотрели на них. Только глаза со стороны могли ценить всю железную силу сибиряков, их равнодушие к смерти, их спокойную волю до конца вынести тяжкий жребий людей, занявших смертную оборону.

Героизм стал бытом, героизм стал стилем дивизии и ее людей, героизм сделался будничной, каждодневной привычкой. Героизм всюду и во всем. Он проявлялся не только в подвигах бойцов. Героизм был в работе поваров, чистивших под сжигающим огнем термитных снарядов картошку. Великий героизм был в работе девушек-санитарок, тобольских школьниц — Тони Егоровой, Зои Калгановой, Веры Каляды, Нади Кастериной, Лели Новиковой и многих их подруг, перевязывавших и поивших водой раненых в разгаре боя. Да, если посмотреть глазами со стороны, то героизм был в каждом будничном движении людей дивизии. И в том, как командир взвода связи Хамицкий, мирно сидя на пригорке перед блиндажом, читал «беллетристику» в то время, как десяток немецких пикировщиков с ревом бодал землю, и в том, как офицер связи Батраков, аккуратно протирая очки, вкладывал в полевую сумку донесения и отправлялся в двадцатикилометровый путь по «логу смерти» с таким будничным спокойствием, словно речь шла о привычной воскресной прогулке, и в том, как автоматчик Колосов, засыпанный в блиндаже разрывом по самую шею землей и обломками досок, повернул к заместителю командира Свирину лицо и рассмеялся, и в том, как машинистка штаба, краснощекая толстуха-сибирячка Клава Копылова начала печатать в блин-

даже боевой приказ и была засыпана, откопана, перешла печатать во второй блиндаж, снова была засыпана, снова откопана и все же допечатала приказ в третьем блиндаже и принесла его командиру дивизии на подпись. Вот такие люди стояли на направлении главного удара.

К концу второй декады немцы предприняли решительный штурм завода. Такой подготовки к атаке не знал мир. 80 часов подряд работали авиация, тяжелые минометы и артиллерия. Три дня и три ночи превратились в хаос дыма, и огня, и грохота. Затем все вдруг стихло, и в атаку пошли тяжелые и средние танки, пьяные орды автоматчиков, пехотные немецкие полки. Немцам удалось ворваться в завод, их танки ревели у стен цехов, они рассекали нашу оборону, отрезали командные пункты дивизии и полков от переднего края обороны. Казалось, что лишенная управления дивизия потеряет способность к сопротивлению, что командные пункты, попавшие под непосредственный удар противника, будут уничтожены.

Но произошла поразительная вещь: каждая траншея, каждый блиндаж, каждая стрелковая ячейка и укрепленные руины домов превратились в крепости со своими управлениями, со своей связью. Сержанты и рядовые красноармейцы стали командирами, умело и мудро отражавшими атаки. И в этот горький и тяжелый час командиры, штабные работники превратили командные пункты в укрепления и сами, как рядовые, отражали атаки врага. 10 атак отбил Чамов. Огромный рыжий командир танка, оборонявший командный пункт Чамова, расстреляв все снаряды и патроны, соскочил на землю и стал камнями бить подошедших автоматчиков. Командир полка сам стрелял из миномета. Любимец дивизии командир полка Михалев погиб от прямого попадания бомбы в командный пункт. «Убило нашего отца», — говорили красноармейцы. Сменивший Михалева майор Кушнарев перенес свой командный пункт в бетонированную трубу, проходящую под заводскими цехами. Несколько часов вели бой у входа в эту трубу Кушнарев, его начальник штаба Дятленко и шесть командиров. У них было несколько ящиков гранат, и этими гранатами они отбили все атаки немецких автоматчиков.

Этот невиданный по ожесточенности бой длился, не затихая, несколько суток. Он шел уже не за отдельные дома и цехи — он шел за каждую отдельную ступеньку лестницы, за угол в тесном коридоре, за отдельный станок, за пролет между станками, за трубу газопровода. Ни один человек дивизии не отступил в этом бою. И если немцы занимали какое-либо

пространство, то это значило, что там уже не было живых красноармейцев. Все дрались так, как рыжий великан-танкист, фамилии которого так и не узнал Чамов, как сапер Косиченко, выдергивавший чеку из гранаты зубами, так как у него была перебита левая рука. Погибшие словно передали силу оставшимся в живых, и бывали такие минуты, когда 10 активных штыков успешно держали оборону, занимаемую батальоном. Много раз переходили заводские цехи от сибиряков к немцам, и снова сибиряки захватывали их. В этом бою немцы довели свои атаки до максимального напряжения. Это был самый высокий потенциал их удара на главном направлении. Словно подняв непомерную тяжесть, они надорвали какие-то внутренние пружины, приводившие в действие их пробивной таран. Кривая немецкого напора начала падать. Сибиряки выдержали это сверхчеловеческое напряжение.

Невольно думаешь о том, как выковывалось это великое упорство. Тут сказались и народный характер, и сознание великой ответственности, и угрюмое кряжистое сибирское упорство, и отличная военная и политическая подготовка, и суровая дисциплина. Но мне хочется сказать еще об одной черте, сыгравшей немалую роль в этой великой и трагической эпопее, — об удивительной целомудренной морали, о крепкой любви, связывавшей всех людей сибирской дивизии. Дух спартанской скромности свойственен всему командному составу дивизии. Он сказывается и в бытовых мелочах, и в отказе от положенных приказом ста граммов водки на все время сталинградских боев, и в разумной нешумливой деловитости. Любовь, связывающую людей дивизии, я увидел в той скорби, с которой говорят о погибших товарищах. Я услышал ее в словах красноармейца из полка Михалева, ответившего на вопрос: «Как живется вам?»

— Эх, как живется, — остались мы без отца.

Я увидел ее в трогательной встрече седого полковника Гуртьева с вернувшейся после второго ранения батальонной санитаркой Зоей Калгановой. «Здравствуйте, дорогая девочка моя!» — тихо сказал Гуртьев и быстро с протянутыми руками пошел навстречу худой стриженой девушке. Так лишь отец может встречать свою родную дочь. Эта любовь и вера друг в друга творили чудеса.

...Дивизия сибиряков не сошла со своего рубежа, она ни разу не оглянулась назад, она знала: за спиной ее была Волга, судьба страны.

Сталинград, ноябрь 1942 г.

Сталинградское наступление

По Волге идет лед. Льдины шуршат, сталкиваясь, крошатся, лезут друг на дружку. Этот сухой, напоминающий шуршанье песка шопот слышен за много саженей от берега. Река почти вся сплошь покрыта льдом, лишь изредка в белой широкой ленте, плывущей среди темных бесснежных берегов, видны пятна воды. Белый волжский лед несет на себе стволы деревьев, бревна. Вот на ледяном холме сидит насупившись большой черный ворон. Вчера здесь проплыл мертвый краснофлотец в полосатой тельняшке. Матросы с грузового парохода сняли его. Мертвый примерз ко льду. Его с трудом оторвали. Он словно не хотел уходить с Волги, где воевал и погиб.

Странно выглядят волжские пароходы и баржи среди льдов. Ветер подхватывает черный дым пароходных труб, стелет его над рекой и рвет в клочья на поднимающихся дыбом льдинах. Тупые, широкие носы баржей медленно подминают под себя светлую ленту; темная вода за кормой снова покрывается идущим от Сталинграда льдом. Никогда еще в такую позднюю пору не работали волжские пароходы. «Это наша первая полярная навигация», — говорит капитан буксирного парохода. Нелегко работать во льдах, часто рвутся буксирные канаты, матросы рубят молотами тяжелые тросы, балансируя перебегают по зыбким колеблющимся льдинам. Капитан с длинными седыми усами, с темнокрасным от ветра лицом кричит осипшим голосом в рупор. Пароход, покряхтывая от напряжения, подбирается к затертой льдом барже. Но день и ночь работает эта переправа — везут баржи боеприпасы, танки, хлеб, лошадей, и если грозная переправа, переправа огня там наверху, у города, обеспечивает сталинградскую оборону, то эта, нижняя, переправа обеспечивает сталинградское наступление.

Девяносто дней штурмовали немцы дома и улицы, заводы и сады Сталинграда. Девяносто дней отражали наши дивизии невиданный натиск тысяч немецких орудий, танков, самолетов. Сотни жестоких атак выдержали бойцы Родимцева, Горохова, Гуртьева, Батюка. Их волей, их железными сердцами, их большой кровью отбивал Сталинград натиск врага. Все тесней сжималось кольцо вокруг нашей обороны, все трудней становилась связь с луговым берегом, все упорнее становились удары. Тяжелым месяцем в обороне города был август. Тяжелее было в сентябре, еще бешеней стал напор немцев в дни октября. Казалось, нехватит человеческих сил, чтобы устоять в огне, бушевавшем над городом.

Но красноармейцы выдержали — может быть, для этого понадобились сверхчеловеческие силы. Но нашлись в грозный час в нашем народе эти сверхчеловеческие силы. Рубеж волжской обороны не был пройден врагом. Пусть же наше наступление будет достойно сталинградской обороны, пусть оно будет живым, грозным огневым памятником тем, кто пал, обороняя Волгу, Сталинград.

Когда мы переправлялись через Волгу, мимо нас пароходы буксировали баржи, полные пленных. Они стояли в худых зеленых шинелишках, в белых высоких шапках и, притоптывая ногами, терли замерзшие руки. «Вот они и увидели Волгу», — говорили матросы. Пленные угрюмо смотрели на воду, на шуршащий лед, и по лицам их было видно, что мысли у них невеселые, как эта черная зимняя вода. Все дороги к Волге полны пленных — их видно издалека на ровном просторе темной, бесснежной степи. Идут колонны по 200—300 человек, идут небольшие партии в 20—50 пленных. Медленно, отражая своим движением все изгибы степного проселка, движется колонна, растянувшаяся на несколько километров. В ней свыше 3 000 пленных. Эту огромную толпу конвоируют несколько десятков бойцов. Отряд в 200 человек идет обычно под охраной двух-трех бойцов. Пленные шагают старательно, некоторые отряды даже держат равнение, идут в ногу. Некоторые пленные довольно хорошо говорят по-русски. Они кричат: «Войны не надо, домой надо, конец Гитлеру». И конвоиры, усмехаясь, говорят: «Как вышли наши танки им в тыл да все дороги перерезали, так закричали сразу — войны не надо, а раньше, небось, не кричали, стреляли да в деревнях стариков пороли». А пленные все движутся, движутся, идут толпами, погромыхивая котелками, флягами, подпоясанные веревками, кусками проволоки, накинув на плечи пестрые одеяла.

N-ское соединение начало наступление туманным утром. Был легкий морозец. Тишина, которая в тумане кажется особенно совершенной, в назначенную минуту сменилась ревом пушек, протяжным и грозным гулом гвардейских минометных батарей. И едва замолкла канонада, как из тумана появились наши танки. Тяжелые машины стремительно взбирались на крутые склоны холмов, пехотинцы сидели на танках, бежали следом за ними. Туман скрывал движение машин и людей, с наблюдательного пункта были видны лишь мутные вспышки орудийной стрельбы. Центральную высоту штурмовал батальон лейтенанта Бабаева. Первыми ворвались на гребень высоты заместитель Бабаева лейтенант Матусовский, лейтенанты Макаров и Елкин, бойцы Власов, Фомин и Додохин.

Старший сержант Кондрашев ворвался во вражеский дот и прикладом винтовки стал бить пулеметчиков. Немцы подняли руки.

Когда туман рассеялся, с командного пункта видно было, что центральная высота от низа до самого гребня колышется движением серых русских шинелей. Одно за другим замолкали тяжелые вражеские орудия, стоявшие в лощинах и на обратных скатах холмов. И когда зазуммерили полевые телефоны, когда связные прибежали с донесениями от командиров рот и батальонов о том, что три господствующие высоты взяты штурмом нашей пехотой, в прорыв двинулись танковые и моторизованные полки. Мы едем по следам наступавших танков. Вдоль дорог лежат трупы убитых врагов, брошенные орудия, замаскированные сухой степной травой, смотрят на восток. Лошади бродят в балках, волоча за собой обрубленные постромки, разбитые снарядами машины дымятся сизыми дымками, на дорогах валяются каски, гранаты, патроны.

Коричневая степная земля стала кирпично-красной от крови. Поток пленных не иссякает. Их обыскивают раньше, чем отправить в тыл. Смешно и жалко выглядят груды деревенских бабьих вещей, которые обнаруживаются в мешках и карманах этих ворюг. Тут и старушечьи платки, и сережки, и нижнее белье, и юбки, и детские пеленки, и пестрые девичьи кофты. У одного солдата нашли 22 пары шерстяных чулок, у другого — четыре пары совершенно рваных женских галош. Чем дальше мы едем, тем больше брошенных машин, пушек. Все чаще встречаются едущие в тыл трофейные машины. Тут и грузовики, и изящные малолитражки, и бронированные транспортеры, и штабные машины. Мы въезжаем в Абганерово. Старуха-крестьянка рассказывает нам о трехмесячном пребывании оккупантов:

— Пусто у нас стало. Курица не заквохчет, петух не закричит. Ни одной коровы не осталось. Некого утром выгонять, некого вечером встречать. Всё подчистую грабители эти подобрали. Мы громко разговаривать отучились, все шопотом, а чуть что голосом скажешь, сейчас из хаты гонят, да еще по шее накладут. Всех стариков, поди, у нас перепороли — тот на работу не вышел, тот зерна не сдал. В Плодовитой, там старосту четыре раза пороли, сына моего, калеку, угнали, с ним девочка и мальчонка. Вот четвертый день плачем. Нет их и нет.

Станция Абганерово вся полна захваченных трофеев. Тут стоят десятки тяжелых пушек и сотни полевых орудий. Их обращенные в разные стороны стволы словно растерянно озираются, длинными вереницами стоят захваченные автомо-

били с эмблемами дивизий. Станционные пути забиты захваченными нами эшелонами. На сборных товарных составах можно прочесть названия многих городов и стран, захваченных гитлеровцами. Тут и французские, и бельгийские вагоны, и польские, но на каком бы языке ни была сделана надпись, на каждом вагоне жирно выпечатан черный имперский орел — символ рабства и насилия. Стоят эшелоны, груженные мукой, кукурузой, минами, снарядами, вагоны с эрзацваленками, с технической аппаратурой, с прожекторами. Жалко и нище выглядят санитарные теплушки с наспех сколоченными нарами, покрытыми грязным тряпьем. Бойцы, покряхтывая, выносят из вагонов бумажные мешки с мукой, укладывают их на грузовики.

Вечером мы продолжаем наш путь. Идут войска, колышутся черные противотанковые ружья, стремительно проносятся пушки, буксируемые маленькими сильными автомобилями. С тяжелым гуденьем идут танки, на рысях проходят кавалерийские полки. Холодный ветер, неся пыль и сухую снежную крупу, с воем носится над степью, бьет в лицо. Лица красноармейцев стали бронзово-красными от жестокого зимнего ветра. Не легко воевать в эту погоду, проводить долгие зимние ночи в степи под этим ледяным всепроникающим ветром, но люди идут бодро, подняв головы, идут с песней.

Это сталинградское наступление.

Настроение армии исключительно хорошее. Все — от генералов до рядовых бойцов — живут ощущением великой ответственности, великого значения происходящего. Дух суровой, трезвой деловитости лежит на всех действиях и поступках командиров. В штабах не знают отдыха, исчезло понятие дня и ночи. Высшие командиры и начальники штабов работают четко, серьезно, напряженно. Слышны негромкие голоса, отдающие короткие приказания. В штабах царит подтянутая деловитость. Успех велик, успех несомненен, но все живут одной мыслью — враг окружен, ему нельзя дать уйти, его нужно уничтожить. Этой ответственной и трудной задаче посвящены вся жизнь, каждое дыхание людей Сталинградского фронта. Не должно быть ни тени легкомыслия, преждевременного успокоения. Мы верим, что сталинградское наступление будет достойно великой сталинградской обороны.

Абганерово, ноябрь 1942 г.

60 коп.

ОГИЗ
Госполитиздат
1943